

А.Г. Еманов

(Тюмень)

Культура письменного слова: на пути к просопографическому словарю пишущей и читающей Сибири

Просопографический метод разработан и блестяще апробирован византинистами во второй половине XX в. Вершинным достижением стал «Просопографический лексикон Палеологовского времени»¹. В него попали практически все византийские авторы Палологовской эпохи (XIII–XV вв.), кто оставил хотя бы одно слово... Метод предполагает составление досье на каждую персону (προσωπων — лицо) по определенному набору признаков: крайние даты жизни, место рождения и место упокоения, образование, вехи карьеры, объем письменного наследия, признание, библиография.

Вот этот метод мы и попробовали применить к другому объекту — интеллектуальной Сибири. Полеми исследования послужил «Каталог книжных изданий общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска» 2009–2013 гг.»², подготовленный сотрудниками научно-библиографического отдела ИБЦ. В каталоге 53 книги. Мы постарались дать аннотацию к каждой книге, не банальную, каковыми грешат учебники, а проблемную, стараясь выявить то принципиально новое, что привносит книга в существую-

¹ Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit. Wien, 1976–1994. — Fasz. 1–12.

² Книжные издания Общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска» (2009–2013) : ил., библиогр. указ. / сост.: О. А. Володкина (отв. за вып.), С. А. Березина, А. В. Долгалева, Л. Г. Шумилова ; отв. ред., авт. вступ. ст. и заключения, аннот., расшир. указ. имен А. Г. Еманов ; графич. обраб. фот. В. Ю. Лисецкой. — Тюмень: ТюмГУ ; Тобольск: Обществ. благотвор. фонд «Возрождение Тобольска», 2013. — 311 с.

щее знание. Затем, мы присоединили к библиографическому описанию книги — описание рецензий, что позволяло судить о читательской реакции. И самое важное, мы дали атрибуцию всех имен, встречающихся в библиографических описаниях почти по той же схеме, что применили византинисты: время и место рождения и смерти, образование, вехи карьеры, членство в творческих ассоциациях, объем творческого наследия, степени, звания, премии, государственные и общественные награды.

Получилась достаточно репрезентативная выборка: почти 1500 имен литераторов, книгоиздателей, ученых, деятелей искусства, музейных и библиотечных работников. Конечно, это — не вся рефлексующая Сибирь, но вполне презентабельная.

Если попытаться определить, как эти имена распределяются в историческом времени, то на XVI в., век начала русского освоения Сибири, приходится всего 0,2% имен, на XVII в. — 0,7%, среди каковых выделяются Владимир Атласов, составитель чертежа Камчатки, Пётр Бекетов, автор описания якутских земель, Пётр Годунов, тобольский воевода, редактор первого «Чертежа Сибири», Юрий Крижанич, хорватский энциклопедист, оказавшийся в тобольской ссылке, и др. К XVIII в. относится 1,2% имен, среди которых Алексей Кокоринов, уроженец Тобольска, основавший Академию художеств, Степан Крашенинников, оставивший описание камчатской земли, братья Лаптевы, Семен Ремезов, тобольский архитектор, изограф, картограф, историк и писатель. XIX в. дал 5,5% имен. Здесь наряду с незаурядными литературными талантами, такими, как Петр Ершов, создатель всемирно знаменитого «Конька-Горбунка», Евгений Милькеев, тобольский поэт, замеченный самим Жуковским, появляются «люди дела», берущиеся за перо; это — Н. В. Скорняков, енисейский предприниматель, открывший первый в Сибири книжный магазин³, Петр Макушин, основавший типографию, библиотеку, «Дом науки» и «Дом искусств», тот же Николай Чукмалдин. Львиная доля имен приходится на XX в. —

³ См.: Головачев П. М. Енисейск в учебно-образовательном отношении в 1891 г. // Сиб. листок. 1892. №40, 24 мая. — Автор статьи сообщает, что за истекший год оборот книжной лавки Н.В. Скорнякова, первого красноярского профессионального журналиста, составил 148 руб. 72 коп. А за 27 лет работы (примерно, с 1864 г.) книготорговец из Енисейска продал детских и народных книг около 50 тыс. экз.

92,4%. Думается, что эта активность только намечает вектор дальнейшего развития рефлексивной культуры. XXI в. превзойдет по креативности предшествующие столетия. Сегодня, когда наступает эра олбанского языка, в виртуальной среде берутся писать и те, кто не обладает ни стилем, ни вкусом, ни грамотностью ...

Посмотрим, как «литературная республика» Сибири выглядит в гендерном отношении. Среди авторов только 17,6% женщин. Причем первые женские имена писательниц появляются лишь в XIX в. Абсолютное большинство пишущих и печатающихся — мужчины (82,4%).

По языковой принадлежности мир сибирской вербальной культуры видится куда более разнообразным, нежели в Центральной России. Здесь представлены едва ли не все основные европейские языки, поскольку о Сибири писали путешественники и ученые из Великобритании и Германии, Франции и Нидерландов, Дании и Швеции, Финляндии и Польши, Венгрии и Сербии и др. На своем родном языке продолжали писать и переселенцы в Сибирь с Украины и Кавказа, из Прибалтики и Беларуси, Молдавии и республик Центральной Азии. Сохраняли свой язык евреи Биробиджана и немцы Сибири, у которых были газеты, журналы, радио и позднее телевидение и Интернет на собственных языках. К этому нужно добавить почти 35 языков коренных народов самой Сибири, большинство систем письменности которых сложилось на основе кириллицы в XX в. Доминирующим языком выступает русский. С него на языки сибирских народов переводились классики русской литературы; на него переводились лучшие книги сибирских писателей.

Не меньший интерес представляют и возрастные характеристики рефлексирующей Сибири. Средний возраст интеллектуалов, связанных с Сибирью, составил 62 года. Более века, до 103 лет, дожила Белла Дижур, уральская поэтесса, эмигрировавшая в США вслед за сыном, Эрнстом Неизвестным. До 100 лет дожил Максим Зверев, зоолог из Барнаула, ставший основателем Алматинского зоопарка. До 90 лет и больше прожили 7 авторов; до 80 лет и больше сохраняли жизненные силы 36 пишущих. В пять раз меньше долгожителей, всего до 20 лет, прожил Владимир Добронравов, незаурядный поэт из Тобольска, погибший на полях Великой Отечественной войны, так и не увидевший ни одного из своих стихотворений напечатанным. До 30 лет оборвалась жизнь 11 авторов, до 40

лет прервался творческий путь 28 пишущих... При этом, ученые чаще доживали до 70–80 лет. Тогда как поэты, художники, как правило, едва дотягивали до 40–50 лет, сказывались бытовая неустроенность, отсутствие стабильных доходов. В 1930-е, 1941–1945 гг. отмечалась сюрсмертность, т.е. смерть не от старости, а как следствие репрессий и войны. Для интеллектуала из европейской части России (СССР), оказавшегося в самые творчески активные годы в Сибири, показателем внешней успешности стало завершение своей карьеры в столице, упокоение на одном из столичных кладбищ или же за границей. Для коренного уроженца Сибири, особенно из среды сибирских народов, столица не обладала такой магией.

Образовательный уровень «пишущего братства» Сибири также примечателен. В XIX в., чтобы стать писателем или ученым, достаточно было закончить гимназию или реальное училище, духовную семинарию или кадетский корпус. Впрочем, Фёдор Достоевский, узник Тобольского тюремного замка, так и не окончил Главное инженерное училище в Санкт-Петербурге. Константин Носилов, совершавший географические экспедиции на Ямал, так и не смог завершить образование в Пермской духовной семинарии. Григорий Распутин, которому принадлежат две книги бесед, вообще нигде не учился, не умел ни читать, ни писать. В XX в. ситуация поляризовалась: с одной стороны, нормативным становится завершение или хотя бы обучение в университете или институте (большинство писателей прошло через основанный в 1933 г. Литературный институт имени М. Горького в Москве); с другой стороны, в литературу приходит когорта выходцев из народной гущи без какого-либо образования. Один из классиков советской литературы Всеволод Иванов, до 30 лет живший в Омске и Новониколаевске, был отчислен после трех классов школы. Поэт Николай Клюев, подвергшийся репрессиям, сосланный в Западную Сибирь и расстрелянный в Томске, не смог закончить Петрозаводскую фельдшерскую школу. Сергей Марков, участвовавший в географических и этнографических экспедициях в Сибирь, прекратил обучение во втором классе гимназии. Но не только в пору революционного слома традиционных культурных ценностей появились газетчики и даже редакторы всевозможных заводских и сельских газет без завершеного школьного образования. Много позднее, уже на излете «советской цивилизации» мы все так же встречаем литераторов без

системного обучения. Василий Забелло, возглавлявший Иркутское областное отделение писателей, Виктор Зернов-Крещик, руководивший журналом «Сибирские огни», имели неполное среднее образование.

Вообще нередко встречающаяся индикация «окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте» означает, что у этого писателя не было полного среднего образования, дающего право на поступление в институт, отчего он вынужден был ограничиваться лишь курсами.

Для поэтического таланта образование словно бы вовсе было лишним. Владимир Белов из села Большой Кусеряк Тюменской области прекратил обучение в третьем классе. Владивостокский поэт Геннадий Лысенко также прежде времени был исключен из школы. Истинной школой для настоящих сибирских мастеров слова становилась сама жизнь. Незаурядный иркутский писатель Георгий Бязырев поработал на верфи, бетонщиком, сварщиком, кочегаром, а после получил известность составлением «Азбуки йоги», проектом собственного пятиэтажного дома из сосны и стекла со статуей Пегаса... Биробиджанская поэтесса Люба Вассерман работала в палестинском кибуце, на строительстве тель-авивских дорог, санитаркой в иерусалимской больнице, потом оказалась в ГУЛАГе... Тюменский поэт Владимир Нечволода трудился кинемехаником, рулевым мотористом, слесарем, в леспромхозе... Иркутский поэт, киносценарист и переводчик Анатолий Преловский был скотогоном в Монголии, рабочим в геологических партиях. Дальневосточный поэт Виктор Суходольский побывал арматурщиком, бетонщиком, монтажником-верхолазом, трактористом, летчиком, пожарником и еще... учителем истории. Анатолий Третьяков, красноярский поэт, автор гимна Красноярска, работал судовым механиком, помощником машиниста тепловоза, поплавал по рекам, поездил по железным дорогам Восточной Сибири...

Любопытно отношение к официальной ассоциированности сибирских литераторов. Если для центральной России стать членом Союза писателей было заветной мечтой каждого печатающегося, то для сибирского мастера слова он был лишен ореола святости. Бюрократизированному и идеологизированному Союзу в обновленной России бы противопоставлен Союз российских писателей. Но и он не у всех вызывал почтение. Николай Глазков сам печатал свои

книги стихов, проставляя на титульной странице, где подобало указывать место издания и издательство — «самсебяиздат». Аркадий Кутилов, самобытный омский писатель и художник, много бродяжил, был безработным, бездомным, находился несколько лет в заключении, устраивал самодеятельные выставки своих рисунков на улицах, в подземных переходах; его проза и стихи переводились на английский язык, тогда как на русском языке еще не существовало ни одного издания его сочинений. Владимир Лазарев, автор знаменитого марша «Прощание славянки», эмигрировавший в США, также не вступал в союз. Виктор Некипелов, уроженец Харбина и воспитанник Омского медицинского училища, распространял в самиздате «Хронику текущих событий», за которую был упрятан в психбольницу (Научный центр социальной и судебной психиатрии), ядовито описанную в его книге «Институт дураков», изданной на Западе. Виктор Перелешин, выходец из Иркутска, учившийся в Харбинском университете, был монахом, миссионером, оказался после войны на несколько лет в СССР, потом эмигрировал в США, но и в этой обители демократии не увидел подлинной свободы, был выслан и закончил свои дни в Бразилии. Он снискал известность переводом с древнекитайского языка трактата «Дао дэ цзин».

Отношение к признанию тоже отличало сибиряков. Самый титулованный сибирский автор — Дмитрий Менделеев. Его собрание сочинений составляет 25 томов. За эти труды он был избран почти в два десятка академий, пятьдесят научных обществ мира, хотя в Российской академии являлся только членом-корреспондентом; трижды номинировался на Нобелевскую премию, но так и остался без нее. Много выше ценилось народное признание. Поэт был славен, если на его стихи слагались песни, и они исполнялись народом. Николай Домовитов получил известность как автор слов для песни «Дальняя дорога», ставшей своеобразным гимном ГУЛАГа, который пела вся свободолюбивая Россия. Борис Ручьев стал знаменит как автор гимна ээков. Только у сибирских народов появилось звание, неведомое в центральной России — «народный поэт».

Одним словом, проделанный просопографический анализ позволяет говорить о рефлексирующей Сибири как о части России, но России совсем другой, нежели она видится из Москвы.